

Ж. Иерно (Франция) использовал предложенный им метод для сопоставления 32 африканских популяций по комплексу признаков и выяснил, что на основании полученных суммарных показателей общая классификация этих групп невозможна. Зато обнаружилась тенденция к сходству групп, близких по хозяйственно-культурному типу¹.

Работа Т. И. Алексеевой (СССР) представляет собой насыщенную фактически данными сводку советских исследований по морфофизиологической антропологии. Приводятся сведения о газообмене, минерализации скелета, уровне белков в крови и других физиологических признаках в различных этнотерриториальных группах СССР. Особенный интерес вызывают очень высокие (до 0,9!) коэффициенты корреляции между содержанием микроэлементов в почвах и измерительными признаками головы и лица. Независимо от того, идет ли здесь речь о модифицирующем или селективном воздействии среды, в свете этих данных придется, очевидно, пересмотреть вопрос о расово-диагностическом значении традиционных антропометрических показателей.

Богата фактами и статья Н. Волянского (ПНР), посвященная влиянию среды на процесс онтогенеза. Здесь обсуждается зависимость морфологии и физиологии человека от географических, климатических и социальных факторов. Изложена теория генетической регуляции индивидуального развития, приведены данные, подтверждающие наличие гетерозиса у человека.

И. Вальшик, Р. Стуковский и Н. Янку (ЧССР) анализируют более частный вопрос о воздействии природной и общественной среды на возраст наступления первой менструации. Этот показатель зависит не только от климата, времени года, но и от уровня физической и психической нагрузки, что подтверждается сдвигом возраста менархе за последние десятилетия.

Генетическая тематика представлена в сборнике несколькими статьями. Сообщение Л. Сангви (Индия) касается генетического аспекта кастовой структуры в Индии. Между кастами существуют различия и по морфологическим, и по биохимическим признакам. Возрастание инбридинга (как следствие брачных запретов) приводит к учащению наследственных дефектов. «Генетика и демография» — так называется краткая обзорная статья Д. Роберта (Великобритания), в которой приводятся примеры распространения наследственных болезней и их селективная роль в современном человечестве. Дж. Чавес (Мексика) и Д. Робертс обсуждают значение исследования близнецов для оценки относительной роли наследственности и среды, описывают методы диагностики зиготности. В работе Р. Керка (Австралия) анализируется мировое распределение различных вариантов сывороточных белков и эритроцитарных ферментов, их значение для этнической антропологии. Методический характер носят сообщения А. Ройчоудхури (Индия) о технике вычисления генных частот для основных серологических систем и М. Венингер (Австрия) об определении дерматоглифических признаков. Наконец, для палеопатологов представит интерес описание следов редкого наследственного заболевания, обнаруженных Д. Бросуэллом (Великобритания) на двух древнеегипетских скелетах.

Сборник носит название «Физическая антропология и ее расширяющиеся горизонты». Представляется, что такое название вполне оправданно. Широта географического и тематического охвата — большое достоинство этой книги. Работы авторов из 11 стран дают представление о крупных успехах в развитии основных разделов современной антропологии.

А. Г. Козинцев

¹ Ж. Иерно давно уже призывает к отказу от иерархических классификационных систем в антропологии. Его взгляды были подвергнуты глубокому анализу в посмертно опубликованной рецензии Г. Ф. Дебеда («Вопросы антропологии», вып. 43, 1973).

НАРОДЫ СССР

Л. Н. Семенова. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974, 214 стр.

Особенности формирования пролетариата в России в значительной степени были обусловлены длительным существованием крепостного права, тормозившего и деформировавшего процесс развития капитализма. Одна из главных особенностей состояла в том, что предшественниками будущих пролетариев были не вольнонаемные, а крепостные заводские рабочие, наиболее приближавшиеся к будущему рабочему классу по условиям труда и быта, по культурно-психологическим чертам. Это особенно характерно для горно-заводской промышленности Урала, долго остававшейся оплотом крепостничества. Тем не менее, явление это было общерусским, в частности, оно имело место и в Петербурге, о чем говорится в вышедшей недавно книге Л. Н. Семеновой о петербургских рабочих первой половины XVIII в.

Нам уже приходилось писать о наметившемся в последние годы сближении исторической и этнографической проблематики, особенно в области изучения рабочего класса. Монография Л. Н. Семеновой — новое тому свидетельство.

Монография основана на громадном архивном материале, выявленном автором¹, и отличается высоким уровнем источниковедческого анализа.

Перепись 1737 г. она посвятила отдельную статью². Во введении к рецензируемой книге содержится источниковедческий анализ важнейших документов, остальные анализируются и проверяются в ходе изложения. Вот несколько примеров. В 1716 г. Сенат предложил «для корабельного строения... нанять повольною ценою охочих плотников». На документе — пометка об исполнении указа: «Наемных плотников послано 2150 человек...» (стр. 66). В литературе эта цифра принималась как достоверная³, на ее основании был сделан вывод о наличии в то время в Петербурге значительного рынка рабочей силы⁴. Л. Н. Семенова приводит данные, позволяющие высказать предположение о том, что в приписке о найме суммированы данные за какой-то период. Этот и ряд других фактов позволили Л. Н. Семеновой прийти к важному в теоретическом отношении выводу об ограниченности рынка наемного труда в Петербурге (стр. 66—68). Исследователем проверяется буквально все. Так, праздничные дни, которыми пользовались рабочие арсенала, точно определены в «Регистре». Однако Л. Н. Семеновой этого недостаточно; она просматривает еженедельные рапорты и убеждается в том, что в эти дни рабочие действительно были свободны (стр. 112). Размер заработной платы, установленный в договорах, проверяется по ведомостям о выплатах жалованья (стр. 115). Тем более подвергаются проверке сохранившиеся в архивах сводные данные. Ведомость числа рабочих, занятых на строителе Александро-Невского монастыря в 1717—1730 гг., Л. Н. Семенова сопоставляет с годовой документацией и обнаруживает неполноту приведенных в ней цифр (стр. 54). Обращение автора с источниками, анализ их доставляют при чтении книги истинное удовольствие. За каждым положением монографии всегда стоят проверенные, репрезентативные и по возможности многочисленные факты. По методам работы в авторе можно безошибочно узнать ученицу замечательного советского ученого С. Н. Валка.

Основное содержание книги сосредоточено в двух главах — «Формирование рабочей силы на строительстве и мануфактурах Петербурга» и «Положение рабочих и мастеровых людей Петербурга». Имеется еще одна, совсем небольшая, но также весьма интересная глава, в которой дана характеристика петербургского населения в целом.

На основе большого фактического материала автор показывает, что обеспечение Петербурга рабочей силой производилось крепостническими методами. Кадры постоянных квалифицированных мастеровых для строительства казенных мануфактур формировались за счет принудительных переселений из других губерний. Анализируя именные списки мастеровых с точки зрения их социального происхождения, Л. Н. Семенова устанавливает, что квалифицированные работники набирались в основном из посадского населения, а малоквалифицированные — из деревень (стр. 42). Она выясняет также, из каких губерний переселялись в столицу мастеровые. В качестве чернорабочих на строительстве использовались временные работники, присылавшиеся в порядке отбывания государственной повинности. Во второй четверти XVIII в. среди чернорабочих стали преобладать отходники, нанимавшиеся по договорам на несколько летних месяцев.

Неудовлетворительное состояние источников, касающихся частных мануфактур, заставляет автора довольно осторожно формулировать свои выводы: «По-видимому, — пишет Л. Н. Семенова, — в целом Петербург мог удовлетворить спрос частных фабрик на временных работников», однако имели место «большие трудности при комплектовании постоянной квалифицированной рабочей силы», потребность в которой «удовлетворялась обычно путем найма мастеров-иноземцев» (стр. 103).

В главе о положении работных и мастеровых людей Л. Н. Семенова наиболее детально останавливается на той стороне жизни рабочих, которую в последнее время в этнографии стали называть производственной. Мы узнаем о продолжительности рабочего дня на разных предприятиях и в разные времена года, о числе праздничных дней. В книге дается также описание рабочих помещений — так называемых мастерских изб. Для характеристики внутреннего заводского быта большой интерес представляют «Проекты о должностях», содержащие «подробные сведения о внутреннем распорядке работ на предприятиях, о правилах поведения мастеровых на заводе и дома и т. п.» (стр. 13). «Проекты» эти, хотя и были известны историкам, до Л. Н. Семеновой не использовались для изучения положения рабочих. Во всех казенных мануфактурах устанавливалась должностная иерархия. Во главе их стоял комиссар. Мастеровые делились на мастеров

¹ Автором изучены фонды Центрального государственного исторического архива, Ленинградского государственного исторического архива, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР, Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Ленинградского отделения Архива АН СССР, Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

² Л. Н. Семенова, Источники о первой в России переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 года), в кн. «Вспомогательные исторические дисциплины», т. III, Л., 1970, стр. 268—280.

³ В. Г. Гейман, Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени, в кн. «Петр Великий», М.—Л., 1947, стр. 255.

⁴ В. А. Шарков, К вопросу о рынке рабочей силы в петровское время, «Вестник ЛГУ», № 8, Л., 1965, стр. 157.

первого, второго, третьего класса, подмастерьев и учеников. В «проектах», по словам Л. Н. Семеновы, «отразилось стремление заводского начальства поддерживать существование социального неравенства между комиссаром, мастером, учениками, не допуская сближения между ними. Комиссару запрещалось вести себя „фамилиарно“ с мастерами, „чтоб не потерять своего почтения у них, ниже б оне звали гордым“. Мастер должен был держать себя перед учениками так, чтобы вызвать у них почтение...» (стр. 119). На казенных мануфактурах были в ходу телесные наказания (батогами, кошками). Хотя «Уставы» пытались защитить работников от самоуправства мастеров, фактически те поступали с рабочими как им угодно.

Положение наемных работников значительно отличалось от положения казенных мастеровых. Л. Н. Семенова обнаружила в архиве Александро-Невской лавры интересные документы — публикационные листы, т. е. объявления о найме рабочих, «вероятно, первые дошедшие до нас документы подобного рода» (стр. 18), подлинные договоры о найме (стр. 19, 121—123) и челобитные, составленные нанмававшимися на работу (стр. 20—21, 123—124). Значение последних трудно переоценить — таких документов еще не было в руках исследователей; легко представить, как редки, в особенности для столь давнего времени, а следовательно, и ценны документы, составленные самими работниками.

Особенно обстоятельно исследует Л. Н. Семенова заработную плату рабочих. Мастеровые как на строительстве, так и на казенных мануфактурах получали денежную заработную плату, размер которой зависел от должности и квалификации. В Петербурге у мастеровых было более высокое жалованье, чем в других городах. Особенно это характерно для мануфактур военного ведомства. Оклады постоянных мастеровых на строительстве были ниже; чтобы стимулировать более производительный труд, некоторых строителей переводили на подрядную форму оплаты (стр. 140). Это, по справедливому мнению автора, смягчало принудительный характер труда. Кроме денег мастеровые казенных мануфактур получали так называемое хлебное жалованье, что было вызвано, как полагает Л. Н. Семенова, чрезвычайно высокими ценами на хлеб в Петербурге (стр. 142). Вместе с тем автор справедливо полагает, что хлебное жалованье было не столько платой за работу, сколько платой «за обязанность жить в Петербурге и быть готовыми к работе» (стр. 145). Подобным образом — как плату за обязанность жить в Петербурге — рассматривает Л. Н. Семенова и земельное обеспечение некоторых категорий мастеровых (стр. 145). Земельные наделы получали главным образом жившие на окраинах и даже вне города мастеровые-строители. Размер надела был равен 6 десятинам, что составляло 25% обычного надела крестьян Ингерманландии (стр. 147, 148). Естественно, что продукты земледелия могли служить только подспорьем, основу составляло денежное жалованье.

Труд крестьян, приславшихся для отбывания государственной повинности, был полностью подневольным и фактически даровым, так как даже деньги на их содержание собирали с тяглых дворов тех губерний, которые высылали работника (стр. 129). В дальнейшем на казенном строительстве стали использовать наемных работников. Их заработная плата вначале также была денежно-продуктовой (стр. 153). Наемные работники Александро-Невской лавры продуктов питания не получали (стр. 156).

Интересный вопрос о заработной плате на частных мануфактурах трудно решить из-за недостатка источников. Однако Л. Н. Семеновой удалось на основании разрозненных сведений сделать некоторые заключения — о существовании как повременной, так и сдельной оплаты, о низком ее уровне, о том, что «работники частных мануфактур, как правило, получали от хозяина еду, питье, одежду и обувь и жили на территории мануфактуры в домах, принадлежавших фабриканту» (стр. 157).

В рецензируемой книге содержится также сведения о быте рабочих вне производства. Сюда относится прежде всего вопрос о расселении и жилищах. В массе своей мастеровые и рабочие люди жили в слободах на окраинах Петербурга. При Петре I были две рабочие слободы и в центре столицы, позднее они были ликвидированы. «Слободы представляли собой поселения типа деревень — избы, земельные наделы, выгоны для скота» (стр. 178). Избы для переведенцев строились за счет казны. Монастырские работники строили избы сами. Часть казенных мастеровых (не имевших семей) жила в казармах; когда казарм не хватало, мастеровых размещали постоем у тех, кто имел собственные избы. Временные работники, отбывавшие государственную повинность, находились в наихудших условиях. Хотя для них иногда и строили казармы, все же большинство жило в землянках и шалашах (стр. 169). Вольные временные работники нанимали квартиры у постоянных жителей столицы (стр. 175).

Кое-какие материалы удалось выявить Л. Н. Семеновой о питании рабочих. Мы узнаем о примерной стоимости питания, отчасти о его составе (набор продуктов) и очень мало — об употреблявшихся блюдах. Работники (несемейные) обычно питались артелью. Называлось это «быть в одной каше». «Подобный термин, — пишет Л. Н. Семенова, — также подчеркивает, что основной едой была каша» (стр. 166).

Семья и семейная жизнь мастеровых не были предметом специального исследования автора, но кое-какие сведения о них приведены. На основе анализа списков Л. Н. Семенова делает несколько любопытных выводов. Семьи заводских работников были немногочисленны; семьи живших в слободах строительных мастеровых были многочисленнее (стр. 183).

Довольно подробно рассказывается об обучении детей. Государство ощущало нужду в грамотных рабочих, поэтому обучение детей мастеровых рассматривалось как их служба; обучавшимся грамоте детям 5—10 лет выдавали хлебное и денежное жалование. Начальное образование получали почти все дети (мальчики), а некоторые из них учились даже в математической, латинской, артиллерийской школах (стр. 186—191).

Особенностью быта казенных мастеровых была его жесткая регламентация. Так, по «Прозку о должностях» порохового завода мастеровые «не имели права отлучаться из слободы, где они жили, ни в праздничные дни, ни вечером в рабочие дни» (стр. 182). В определенное время они должны были посещать церковь. Даже идти в кабак или играть в карты разрешалось лишь в урочные часы (стр. 182, 186). Не могли мастеровые по своему усмотрению распоряжаться жалованием. Регламентировались отношения между разными категориями мастеровых. Так, мастеру запрещалось вместе с учениками ходить в шинок, играть в карты (стр. 121). Большой материал приведен в рецензируемой книге о состоянии здоровья и медицинском обслуживании рабочих (стр. 194—201). В целом книга Л. Н. Семеновой достоверно и ярко воссоздает особенности быта и положения рабочих Петербурга.

Историков, изучающих формирование и развитие рабочего класса, обычно более всего занимает конфронтация принудительного и наемного труда. Между тем проблема становления рабочего класса отнюдь не может быть исчерпана анализом замены зависимого, принудительного труда свободной капиталистической куплей-продажей рабочей силы. Не менее важными были и два других процесса — переход от сельскохозяйственного труда к промышленному, то есть постепенное превращение крестьян в рабочих и урбанизация, переход бывших сельских жителей на положение горожан. Исследование этих вопросов всегда было близко этнографической науке.

Автор рецензируемой монографии отдает дань традиционному для историков подходу, тем не менее в книге содержится богатейший материал для анализа и других сторон проблемы.

В составе петербургских рабочих XVIII в. явно усматриваются группы, каждая из которых стоит на разных ступенях перехода от сельских жителей к городским, от крестьян — к мастеровым, от несвободных — к наемным рабочим.

Рабочих — постоянных жителей Петербурга можно разделить на две группы. Мастеровые казенных мануфактур наиболее привязались в своем развитии. Превращение в городских жителей завершено: нет никаких связей с деревней, нет там даже родственников, так как все они — потомственные горожане. Переход к промышленному труду также полный (земельных наделов нет, труд на производстве — единственное средство к существованию) и окончательный (об этом говорит высокий уровень квалификации и наследственность профессий). Однако мастеровые казенных мануфактур — зависимые, несвободные люди.

Мастеровые-строители еще не совсем горожане. Они по большей части живут на окраинах столицы в слободах, весь быт которых напоминает деревенский. Промышленный труд для них — не единственное, хотя для большинства и главное занятие (они имеют земельные наделы, которые хотя и меньше крестьянских, но все же являются в известной мере источником существования). Психологически они также не совсем еще рабочие. О двойственной природе этих групп мастеровых свидетельствует зафиксированное Л. Н. Семеновой обратное превращение некоторой их части в крестьян (стр. 148—149). По степени зависимости они не отличаются от второй группы, т. е. столь же несвободны, как и мастеровые казенных мануфактур.

Постоянное рабочее население Петербурга в основном состояло из этих двух групп. Остальные были временными работниками и уже в силу этого, не горожанами. Их семьи жили в деревне, они сами проводили там большую часть жизни. Основным их занятием был крестьянский труд. И все-таки по степени отрыва от крестьянского труда, а также по характеру найма можно выделить среди них различные друг от друга группы.

Отбывавшие государственную повинность на строительстве Петербурга в начале века крестьяне никакого отношения к формированию рабочего класса не имеют. Это были крестьяне и только крестьяне, полностью оторванные от привычного дела и привычного быта. Но среди них уже встречались предшественники будущих отходников: иногда крестьяне, вместо того, чтобы самим отбывать повинность, нанимали за себя охотников, для которых это иногда становилось постоянным, на каждое лето, занятием.

Временные сезонные рабочие-отходники, нанимавшиеся на казенные и частные работы на несколько летних месяцев, приближаются к будущим пролетариям по способу найма (хотя у себя в деревне они остаются феодально-зависимыми). Но у них нет квалификации, они даже в городе заняты работой, которую никак не назовешь промышленной (копают, плыят, таскают тяжести).

Была еще одна группа, только зарождавшаяся в то время, а потому очень немногочисленная, но интересная тем, что наиболее близка по своему положению к рабочему классу. Речь идет о наемных рабочих, постоянно (или хотя бы подолгу) живших (вместе с семьями) в Петербурге. Они имели определенную профессию или хотя бы минимум квалификации, труд в промышленности являлся главным источником их существования.

Среди них встречались и крепостные, жившие в городе по паспорту, и свободные (посадские, отставные солдаты и т. п.). Группа эта, однако, для XVIII в. была не характерна.

Таким образом, на материалах рецензируемой книги прослеживается одна из особенностей формирования предпролетариата в России, обусловленная длительным существованием крепостного права и заключающаяся в том, что становление городского образа жизни и переход от крестьянского к промышленному труду предшествовали смелому принудительному труду наемным.

Н. В. Юхнева

Д. В. Сычев. Из истории калмыцкого костюма. Очерк с приложением материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служивых людей. Элиста, 1973, 168 стр. с илл.

Национальный костюм любого народа — очень трудное для анализа явление. Будучи оригинальным по своему покрою и декору, он вместе с тем включает в себя множество элементов, отражающих и социальную историю, и эстетические вкусы, и историко-культурные связи и взаимовлияния различных народов. Особенно трудна для изучения история национального костюма калмыков, монголоязычного народа, причювавшего в начале XVIII в. из далеких центральноазиатских в приволжские степи.

Теперь уже невозможно воссоздать калмыцкий национальный костюм того времени, когда калмыки добровольно вошли в состав Русского государства. В сохранившихся вариантах калмыцкого костюма XIX в. в значительной мере утрачено общемонгольское начало (особенно это касается мужского костюма) и легко прослеживается влияние новых соседей калмыков — горцев Кавказа, русских, народов Поволжья.

Культурные связи были и остаются одним из важных стимулов исторического прогресса. Однако, несмотря на тесные связи калмыков со своими новыми соседями, калмыцкие мастера сумели творчески переработать все, что проникло в их культуру. Талантливые руки калмычек нередко превращали национальный костюм в уникальное произведение самого высокого искусства.

К сожалению, история калмыцкого костюма никогда и никем до сих пор систематически не изучалась. Ценные сведения, оставленные нам такими замечательными исследователями калмыцкого быта, как Н. А. Нефедьев, П. И. Небольсин, И. А. Житецкий, Н. Н. Пальмов и др.¹, не дают еще полного представления о национальном костюме и украшениях к нему.

Необходима была сводная работа, в которой был бы собран и обобщен этнографический, литературный и изобразительный материал, относящийся к калмыцкой одежде.

Театральный художник Д. В. Сычев много лет занимался сбором и зарисовками лучших произведений калмыцкого народного искусства. В 1970 г. он издал красочный альбом «Хальмг улсин эрдм» («Калмыцкое народное искусство»), получивший высокую оценку научной общественности. А вскоре Д. В. Сычев опубликовал, наконец, первую книгу по истории калмыцкого костюма.

Рецензируемая работа содержит небольшое введение, три главы и обширные приложения, в которых особую ценность представляют 32 таблицы, выполненные самим автором.

В первой главе автор отмечает черты сходства и различия в калмыцкой и монгольской одежде, и умело используя для подкрепления своих выводов таблицы с рисунками костюмов монгольских и других народов, доказывает, что отдельные детали калмыцкого национального костюма имеют многовековую историю, что он не был заимствован ни у китайцев, ни у народов Кавказа (стр. 7—16).

Вторую главу Д. В. Сычев посвятил совершенно неисследованному вопросу — истории костюма калмыков XVIII в. Буквально по крупицам собирая и анализируя во многом противоречивый и зачастую неточный материал путешественников и исследователей XVIII столетия, автор делает попытку воссоздать общий вид костюма того времени. Попытка эта в целом оказалась, на наш взгляд, успешной, так как Д. В. Сычев подошел к решению невероятно трудной задачи вдумчиво, терпеливо и исключительно добросовестно. Ему удалось путем сложных поисков и сопоставлений различных описаний и зарисовок современников реконструировать мужскую и женскую одежду, головные уборы и украшения калмыков XVIII в.

¹ См.: «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым», СПб., 1834; П. И. Небольсин, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб., 1852; И. Бентковский, Одежда калмыков Большедербетовского улуса, «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. 2, Ставрополь, 1869; И. А. Житецкий, Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884—1886 гг., М., 1893; Н. Н. Пальмов, О калмыцких ремеслах, «Калмыцкая степь», № 4—6, Элиста, 1928.